

ИНСТИТУТ ДВОРСКИХ ПО ЖАЛОВАННЫМ ГРАМОТАМ
XIV – НАЧАЛА XVI ВЕКОВ

Упоминания дворских (лиц, организовывавших княжеское дворцовое хозяйство в средневековой Руси) и подчиненных им слуг имеются в источниках различных видов: летописях, княжеских духовных и договорных грамотах, иммунитетных актах, грамотах, связанных с определением собственности на землю, уставных грамотах, Судебниках 1497 и 1550 г. Фигура дворского сегодня изучена явно недостаточно. Все историки, что-либо писавшие об институте дворских, приводили суждения о нем попутно, на основе отдельных упоминаний, причем с совершенно неравномерным привлечением источников.

Первым историком, аргументированно писавшим о дворских, был С. М. Соловьев. Основываясь на летописных известиях, историк заключал, что дворский «на юго-западе до литовского владычества имеет важное значение и в мире, и на войне»¹. Историк считал, что под влиянием Польши и Венгрии дворский в Галиче приобрел «важное значение палатина». Это положение Соловьев оставил без обоснований, хотя очевидно, что заключение автор сделал на основании статьи 1208 г. Ипатьевской летописи, где так обозначен венгерский вельможа², и венгерских источников, где тот же самый человек имел звание «comes palatinus»³.

Принципиального различия в обязанностях дворских в разных областях Руси Соловьев не находил. Он отметил, что в Северо-Восточной Руси XIV–XV в. «в современных источниках указана только одна обязанность дворского: ведать слуг княжеских — мастеровых и промышленных, но, конечно, деятельность его этим не ограничивалась»⁴. К сожалению, вопрос о других функциях дворских исследователь оставил без развития, и трудно понять, что именно он имел в виду, говоря о разных сторонах деятельности дворских.

Определенное внимание Соловьев уделил лицам, которых дворские возглавляли. Он писал, что слуги, находившиеся под ведомством дворского, отличались от вольных слуг, бывших в кормлении и доводе, и состояли из промышленников и ремесленников, таких, как бортники, садовники, псары, бобровники, бараши и делюи. Эти слуги пользовались княжескими землями, могли уйти, но при этом земли отходили к князю. Московские князья взаимно обязывались не принимать слуг под дворским в службу, блюсти их сообща, не покупать их земель⁵. О владении слугами под дворским землей Соловьев сделал вывод на основании соответствующих статей первого и третьего договоров Дмитрия Донского и Владимира Храброго. В обоснование же своего мнения о специальностях слуг под дворским он привлек данные завещания Владимира Серпуховского, где в одном месте упоминались эти ремесленники, а в другом — слуги под дворским⁶. Серпуховской князь Владимир Андреевич в своем завещании, составленном в начале XV в., оставил следующие распоряжения: «А тѣх бортников, или садовников, или псарей, или бобровников, или барышов, делюев не всхочет жыти на тѣх землях, инъ земли лишон, поиди прочь, а сами сыну, князю Ивану, не надобѣ, на которого грамоты полные не будет, а земли их сыну, князю Ивану»⁷; «А кто будет под дворьскимъ слугъ и от сотников, тѣх дѣти мои промежы собя не принимают во свои удѣлы»⁸ и «А бояром и слугам, кто будет не под дворьскимъ, волным воля. А судом и данью

¹ Соловьев С. М. Сочинения. М., 1993. Кн. 2. Т. 4. С. 566.

² ПСРЛ. Т. II. Стб. 724.

³ Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis. T. III. V. I. Budaë, 1829. 78, 80, 82, 83, 89, 108, 109, 111.

⁴ Соловьев С. М. Сочинения. С. 565.

⁵ Там же. С. 563.

⁶ Там же. С. 753, прим. 351.

⁷ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV – XVI вв. (далее – ДДГ) М.; Л., 1950. № 17. С. 46.

⁸ Там же. № 17. С. 47.

потянут по удѣлом, гдѣ кто живет. А кто будет под дворским слуг, тѣх дѣти мои промеж себя не принимают, ни от сотников. А кто тѣх выидет из удѣлов дѣтей моихъ и княгини моеи, инъ земли лишен, а земли их сыну моему, чей будет удѣл»⁹. Поскольку эти статьи находятся в разных местах духовной, их нельзя соединять без оговорок, из последних двух цитат можно строить заключения о характере землевладения слуг под дворским, но они, например, не содержат указания, что дворскому подчинялись холопы.

Конкретные вопросы истории устройства суда в России интересовали Ф. М. Дмитриева и именно в связи с этим он упоминал дворского. Как и Карамзин¹⁰, Дмитриев считал дворского выборным представителем населения: «города и волости сохраняли и при княжеских чиновниках своих собственных старшин и начальников под именем дворских, старост, сотских и десятских». По его мнению, дворские, как и другие перечисленные люди, осуществляли внутреннее правление и суд в общинах¹¹.

О месте дворского в социальной структуре общества писал В. И. Сергеевич. Разбирая категорию «слуг под дворским», Сергеевич в целом повторил выводы Соловьева, уточнив, что слугами, подчиненными дворскому, надо считать всех людей, состоявших на службе двора. По мнению ученого, в начале XV в. эти люди получали земельный надел и жили уже не во дворе князя, а в своих, но на княжеских землях. Основываясь на духовной серпуховского князя Владимира Андреевича, Сергеевич отнес к слугам под дворским представителей указанных выше профессий и отметил, что в начале XV в. все они были еще вольными слугами, могли уйти, но данные им земли возвращались князю. Вопрос, были ли среди слуг под дворским холопы, автор не разбирал. Дворский, по его мысли, наделял дворовых людей дворцовой землей¹².

Сергеевич не различал дворских и дворецких, считал первых «новым наименованием... домовых ключников». Приведя летописные упоминания дворских, ученый отметил, что, «состоя при дворе князя и заведующего его хозяйством, которое в древнейшее время все сосредоточивалось во дворе князя и не отделялось от государственного хозяйства, эти дворские могли быть весьма влиятельными людьми»¹³. Автор предполагал наличие иерархии дворских, которые должны были находиться в каждом имении, где у князя были свои двор и хозяйство. «Дворские городских дворов, в которых была резиденция князя и к которым стягивалось хозяйство всех других дворов, стояли выше других дворских, которые были им подчинены»¹⁴. Интересная мысль, что статус дворского определялся размером заведующего хозяйства и дворскому центрального двора подчинялись более мелкие, основывалась на чисто логическом убеждении в существовании дворского в каждом дворе, четком подчинении дворских низшего ранга дворским более высокого.

При изучении института дворских Сергеевич впервые обратился к жалованным грамотам. «Гораздо более известий о дворских находим в московских памятниках. Из жалованных грамот XIV в. и следующих веков надо вывести, что дворские находятся при каждом дворе князя и имеют право въезжать в соседничастные имения для наряда жителей к исполнению “княжаго дела”, то есть известных повинностей в пользу княжеского двора: ставить двор князя, кормить его коней и пр. Если князь освобождал кого от этих повинностей, то в его грамоте обыкновенно говорилось: “не надобе им (пожалованным) ни которая дань, ни ямъ, ни подвода... , ни служба, ни

⁹ Там же. № 17. С. 48.

¹⁰ Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1999. Т. VI. С. 216.

¹¹ Дмитриев Ф. М. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до Учреждения о губерниях. М. 1859. С. 7.

¹² Сергеевич В. И. Русские юридические древности. Т. 1. Спб. 1902. С. 431–435.

¹³ Там же. С. 431.

¹⁴ Там же. С. 432.

дело княже, ни дворские, ни старосты ать их не займают ни про что»¹⁵. Автор привел цитату из жалованной грамоты тверских князей Отрочу монастырю¹⁶, наиболее ранней, но содержащей достаточно редкую формулу обельного постановления о дворских. Судя по примечаниям¹⁷, Сергеевич использовал для иллюстрации своих заключений о дворском 1 грамоту XIV в.¹⁸, 14 грамот XV в.¹⁹ и 2 грамоты XVI в.: выданные в декабре 1517 г. великим князем Василием Ивановичем игумену Троице-Сергиева монастыря Якову на владения в Переяславском уезде²⁰ и 18 июня 1578 г. царем Иваном IV Валаамскому монастырю на владения в волости Ковде²¹.

Относительно судебных полномочий дворских, основываясь на материале Судебников, возможно, правых грамот и развивая свое мнение об иерархии дворских, автор делает заключение, что «мелкие дворские своего суда не имели, а только принимали участие на суде кормленщиков». «Дворские больших дворцов, находившиеся в главных городах княжений, были судьями всех тех лиц, которые находились под ними. До возникновения специальных приказов их суду подлежали как все дворовые слуги, так и слуги, устроенные государевыми землями»²².

Соловьев совершенно правильно считал, что земля не находилась в собственности слуг под дворским и они не могли её распоряжаться. Несомненной же заслугой Сергеевича является то, что он обратил внимание на необходимость обеспечения такой категории слуг землей и проживание их на ней, а не в княжеском дворе. Ученые не ставили вопроса о возможности передачи такой земли по наследству и других операциях с ней. Оба исследователя посчитали за слуг зависимое население, перечисленное в приведенном выше отрывке завещания Владимира Храброго. Эти распоряжения находятся в разных частях завещания и были механически соединены исследователями при изучении духовной грамоты. Прямых указаний на то, что люди указанных профессий являлись слугами под дворским, источник не содержит. Если Соловьев достаточно неопределенно говорил, что слуги под дворским «пользовались княжескими землями», то Сергеевич утверждал, что дворский ведал и раздавал дворцовые земли. Однако существование в XV в. чисто дворцовых земель не прослеживается источниками²³.

О функциях дворских писал А. Н. Горбунов, специально занимавшийся жалованными грамотами. Историк, согласно господствовавшим представлениям того времени в дипломатике, составил сводный текст обельного постановления известных ему иммунитетов. Он имел такой вид: «*Ни к дворскому(им), ни к сотскому(им), ни к старосте волостному, ни к пятидесятским, ни к десятским, ни к становщику с волостными, с черными, с тяглыми людьми не надобе им тянути ни во что, ни в какие проторы, ни в розметы, ни в иные ни в которые пошлыны*». В

¹⁵ Там же. С. 432, 432, прим. 1.

¹⁶ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. (далее — АСЭИ) М., 1964. Т. III. № 116. С. 152–153.

¹⁷ Сергеевич В. И. Русские юридические древности. С. 432, прим. 1.

¹⁸ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией императорской Академии Наук (далее — ААЭ) СПб., 1836. Т. I. № 5; АСЭИ. Т. III. № 116. С. 152–153.

¹⁹ ААЭ. Т. I. № 19, 28, 34, 35, 44, 46, 51, 56, 75, 88, 102, 120, 122, 133 (по современным публикациям это соответственно АСЭИ М., 1952. Т. I. № 29. С. 40; № 115. С. 92; Т. III. № 116. С. 153; № 118. С. 155; Т. I. № 224. С. 159; № 236. С. 166; № 243. С. 171; № 254. С. 183; Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв. (далее — АФЗиХ) М., 1951. Ч. I. № 71. С. 76; АСЭИ. Т. I. № 401. С. 293; Т. III. № 77. С. 110; № 109. С. 146; Т. I. № 534. С. 410; № 568. С. 446. К сожалению, в работу Сергеевича вкралась ошибка: в жалованной грамоте от июля 1471 г. Юрия Васильевича Дмитровского Троице-Сергиеву монастырю на Троицкий монастырь на Березниках в волости Воре дворский не упоминается (АСЭИ. Т. I. № 401. С. 293; ААЭ. Т. I, № 88).

²⁰ ААЭ. Т. I. № 164; Акты русского государства 1506–1526 гг. (далее — АРГ) М., 1975. № 147. С. 143.

²¹ ААЭ. Т. I. № 300.

²² Сергеевич В. И. Русские юридические древности. С. 432.

²³ Следует обратить внимание на тот факт, что термина «дворцовые земли» акты не знают: АСЭИ. Т. I. С. 745–746; М., 1958. Т. II. С. 678; Т. III. С. 635; Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4. С. 194; Вып. 5. С. 375–377; Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I. М., 1958. Стб. 696, 972–974.

него как варианты вошли еще шесть оборотов и два обельных постановления с упоминанием дворского указаны отдельно: «ни дворские, ни старосты ат их не занимают ни про что» и «а дворским, ни соцким, ни старостам теми людьми не наряжать»²⁴. Горбунов использовал около 230 жалованных грамот²⁵, из них 43²⁶ для создания т. н. Абстрактного формуляра²⁷ обельного постановления, в том числе 32 грамоты, фиксирующие институт дворских²⁸. Автор сослался на Соловьева, полностью соглашаясь с ним в определении слуг под дворским как ремесленников и промышленников. Дворские занимались раскладкой, взиманием податей и наблюдением за исполнением повинностей слуг, живших в городах и селах. Процитировав уставную грамоту 1509 г. бобровникам Каменского стана дмитровского князя Юрия Ивановича, где в статье 7 сказано, что дворский с десятскими и добрыми людьми раскладывает корм ловчего и староста с десятскими, собрав корм, выплачивают его в Дмитрове²⁹, историк отметил сложность решения, являются ли одним и тем же лицом дворский и староста. Исходя из различия социального статуса, рисуемого летописными известиями и жалованными актами, ученый считал, что не следует смешивать дворских XII в. с дворскими и дворецкими XV в.³⁰

Вопрос о происхождении дворских был затронут М. Ф. Владимирским-Будановым. Историк права высказал ценное соображение о тождестве дворского и тиуна огнищного. Эту мысль он не пояснил, но, видимо, основывался на сходстве хозяйственной деятельности этих должностных лиц и одинаковом принципе образования слов: «огнищанин» от «огнище» в значении княжеского очага и «дворский» от «двор». Его общая концепция управления княжеским хозяйством несколько противоречива. С одной стороны, ученый считал, что тиун огнищный, как и другие тиуны — первоначально несвободный дворовый княжеский слуга. С другой стороны, дворский, упоминавшийся с середины XII в., назначался из бояр и причислялся к старшей дружине. Дворский заведовал не только домашним хозяйством князя, где ему подчинялись ключники, но и княжеским двором — военной организацией (отроками)³¹. Работа Владимирского-Буданова не содержит ссылок на источники и фактически осталась неаргументированной. Вызывают сомнения такие моменты, как подчинение дворскому отроков и ключников.

Развитие княжеского хозяйства сводилось Владимирским-Будановым к территориальному расширению, без внимания оставалось качественное, отраслевое развитие, усложнение структуры его управления, изменение прав и обязанностей лиц этой структуры. Владимирский-Буданов был прав, отмечая что «в системе дворового управления нельзя различить частно-хозяйственные органы от государственных», однако ошибался, утверждая, что «управление дворского заменяло собою все последующие органы финансового управления», кроме «специально-финансового управления: таковы даньщики и мытники»³².

²⁴ Горбунов А. Н. Льготные грамоты, жалованные монастырям и церквям в XIII, XIV и XV вв. // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачевым. 1860—1861. Кн. 5. М. 1863. С. 80.

²⁵ Там же 1860—1861. Кн. 6. М. 1869. С. 177—194.

²⁶ По нумерации грамот Горбунова совпадают № 38 и 39, 91 и 92.

²⁷ Кашганов С. М. Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 30.

²⁸ В современных изданиях это грамоты АСЭИ. Т. I. № 29. С. 40; № 101. С. 81; № 115. С. 92; № 139. С. 107; № 192. С. 123; № 195. С. 126; № 243. С. 170—171; № 246. С. 174. № 247. С. 176; № 254. С. 183; № 280. С. 201; № 304. С. 214—215; № 322. С. 231—232; № 323. С. 232—233; № 534. С. 410; АСЭИ. Т. II. № 98. С. 59; № 180. С. 113—114; № 232. С. 153 — 154; № 345. С. 342; № 382. С. 381—382; № 386. С. 386—388; № 466. С. 505; № 473. С. 511; № 475. С. 514; АСЭИ. Т. III. № 53а. С. 80 — 81; № 77. С. 110; № 116. С. 152—153; № 117. С. 153—155; № 118. С. 155. № 253. С. 274—275; АФЗнХ. Ч. 1. № 71. С. 76; АФЗнХ. М., 1956. Ч. 2. № 3. С. 11.

²⁹ АСЭИ. Т. III. № 27. С. 48.

³⁰ Горбунов А. Н. Льготные грамоты, жалованные монастырям и церквям в XIII, XIV и XV вв. Кн. 6. М. 1869. С. 22—23.

³¹ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Киев, 1886. Вып. I. С. 50.

³² Там же.

Так же, как и Сергеевич, В. О. Ключевский полагал, что должность дворского исторически предшествовала дворецкому и он являлся главным управителем княжеского двorca, высшим из сановников, исполнявших различные поручения по княжескому дворцовому хозяйству³³. Ученый внес весомый вклад в изучение категории населения слуг под дворским. Ключевский рассматривал их как переходную социальную группу между вольными слугами и черными людьми и отмечал, что так же, как и слуги вольные, слуги под дворским несли личную службу князю, получали за это участки земли и могли перейти к другому князю. Сходство с черными людьми выразалось в том, что их служба была не военной, а хозяйственной, княжеской землей они могли пользоваться только тогда, когда состояли на службе, и не имели права приобретать землю в собственность.³⁴ Только и платежи, и работы падали на дворцовых слуг по личному назначению князя, как падала ратная служба на вольных слуг, а не по мирской разверстке, как падало тягло на черных людей. Наконец, подобно последним, дворцовые слуги могли лишь пользоваться княжеской землей³⁵. Историк не ставил вопроса о времени появления этой категории населения и характере владения князьями своим дворцовым хозяйством — было ли оно для князей общим или раздельным, видимо, считая последний вариант очевидным.

Н. П. Павлов-Сильванский в различных трудах дал совершенно разную характеристику дворских, причем подчас весьма противоречивую. В работе «Государевы служилые люди» Павлов-Сильванский, характеризуя дворского, повторил мнение Сергеевича, без изменений и ссылок приведя его высказывания о высоком положении дворского и подчинении главному дворецкому, заведовавшему дворцом князя в столичном городе, дворских, управлявших дворцами в провинциальных городах. Сергеевич предположил, что до возникновения Поместного приказа дворские наделяли землей «дворских людей, обязанных военной службой», были в тесной связи с дворянами. Павлов-Сильванский считал подчинение дворскому дворян бесспорным. Особое внимание ученый уделял условному землевладению слуг под дворским, наделению их именными за службу. Такие «служные земли» он считал древнейшими поместьями и отнес к слугам Бориса Воркова, получавшего по завещанию Ивана Калиты село Богородицкое в Ростове на условии службы кому-либо из сыновей князя³⁶. Такое сближение слуг под дворским и дворян в концепции Павлова-Сильванского произошло оттого, что историк не пытался выяснить, в чем заключалась и какой характер носила служба подведомственных дворскому лиц.

В следующей работе «Феодализм в удельной Руси» историк продолжил иную традицию — считать дворского выборным лицом. Сославшись на уставную грамоту 1509 г. бобровникам Каменского стана, Павлов-Сильванский безоговорочно заключил, что «старосты дворцовых волостей назывались дворскими». По мысли автора, дворские могли называться старостами, и их положение в дворцовых волостях было тождественно с положением старост черных волостей³⁷.

Основываясь на указании правой грамоты, составленной около 1490 г., в которой вызываемый в свидетели дворский Гавриил был назван крестьянином Берендеевской волости, ученый аргументировал сходство дворского со старостой, которые оба были крестьянами³⁸. Павлов-Сильванский осторожно предполагал отличие от волостных дворских дворских городских, которые,

³³ Ключевский В. О. Сочинения. М., 1989. Т. VI. С. 146.

³⁴ Там же. С. 284–286.

³⁵ Там же. С. 286.

³⁶ Павлов-Сильванский Н. П. Сочинения. Т. I. СПб., 1909. С. 23, 28, 35.

³⁷ Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в России. М., 1988. С. 336.

³⁸ АСЭИ. Т. III. № 402. С. 412; Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в России. С. 336–337. У Павлова-Сильванского документ датирован 1490–1494 г., тягавшиеся Окулик и Олферко были не истцами, а ответчиками. Они заявили, что о статусе земли «ведомо ... великого князя хрестьяном Берендеевские волости дворьскому Гаврилу, да Федору Неронову, да Коротню, да Степану Гридину». Определение «хрестьянин» могло тогда обозначать религиозную принадлежность, а не социальный статус.

возможно, заведовали некоторыми особыми сборами и натуральными повинностями на дворцы — княжеские дворы в городах³⁹. Обозначенный таким образом социальный статус дворского никак не согласуется с характеристикой слуг под дворским, приводимой исследователем далее. Резко полемизируя с мнением Ключевского, что такие слуги были работниками по дворцовому хозяйству, Павлов-Сильванский выводил из статьи завещания Владимира Серпуховского «А бояром и слугам, кто будет не под дворским, вольным воля» принадлежность этой категории слуг также «к составу “бояр и слуг”, т. е. военных слуг удельного времени»⁴⁰. Оценивая статьи княжеских договоров о слугах под дворским, историк утверждал, что в первом договоре Дмитрия Донского и Владимира Храброго они упоминаются «впервые, конечно, не потому, чтобы они впервые явились около 1362 г., а потому, что в этом году князья впервые согласились не принимать их в чужой удел; раньше же такие слуги наряду со всеми боярами и слугами пользовались полной свободой службы по общему правилу: “а боярам и слугам межи нас вольным воля ...”»⁴¹. Почему только одной части военных слуг был ограничен переход, чем они отличались от других и почему потребовалось такое новшество в регулировании их службы, автор не объяснил.

По мнению С. Б. Веселовского дворский не только собирал налоги со слуг под дворским, но и был для них «низшим органом княжеского суда и управления». Ученый считал, что власть дворского не распространялась на все непривилегированные земли уезда, он только ведал слуг под дворским, его власть над ними была «аналогична власти посельских приказчиков — в княжеских селах и волостях, и власти слободчиков в слободах, т. е. дворский был низшим органом княжеского суда и управления». Отсутствие в некоторых уездах известий о дворских ученый объяснял отсутствием источников. Суд и управление непривилегированными землевладельцами обычно принадлежали наместникам и волостелям, а в качестве исключения поручались дворским. Веселовский попробовал наметить верхнюю (позднейшую) хронологическую грань существования этого института. По его мнению, с начала XVI в. дворские и «слуги под дворским» исчезают, последние частью получают поместья и примыкают к служилым землевладельцам, частью попадают на положение тяглых черных людей⁴². Напомним, что еще Сергеевич привел данные о существовании дворских в XVI в.

Б. Д. Греков не разделял управителей княжескими и частновладельческими хозяйствами, рассматривая устройство вообще вотчины-сеньории. Ученый писал, что «двор крупного феодала — административно-хозяйственный центр всего феодального владения, где сидит если не сам хозяин, то его хозяйское око — дворецкий, начальник всякого рода слуг, вольных и невольных»⁴³. Основываясь на завещании Владимира Серпуховского, где традиционно рассматриваемая учеными статья противопоставляет людей, на которых есть полная холопская грамота, и вольных, Греков решил, что «слуги под дворским были, как правило, люди несвободные»⁴⁴. Основываясь на правой грамоте, составленной между 1462 и 1473 г. Никитой Беклемишевым, о тяжбе некоего землевладельца Андрона, принятого им за княжеского слугу, с попом Сидором о принадлежности земли Самонинской, находившейся в Кистемском стане Переяславского уезда, в которой упоминаются два дворских — прежний и действующий⁴⁵, Греков заключил о «большой осведомленности дворского не только в делах двора, но и в том, что делалось за его пределами»⁴⁶.

³⁹ Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в России. С. 337.

⁴⁰ Там же. С. 454.

⁴¹ Там же. С. 453–454.

⁴² Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. С. 208–210.

⁴³ Греков Б. Д. Крестьяне на Руси. Кн. 1. М., 1952. С. 524.

⁴⁴ Там же. С. 522.

⁴⁵ АСЭИ. Т. I. № 326. С. 235–236.

⁴⁶ Греков Б. Д. Крестьяне на Руси. Кн. 1. С. 523–524. Прим. 24.

В Памятниках русского права разделяются дворский — княжеский агент и дворский — боярский тиун, о котором, по мнению авторов, говорит Судебник 1497 г.⁴⁷ Они были соответственно «приказчиками дворцовой волости или дворцовой вотчины». Неясно, на основании чего утверждается, что дворский «как правило принадлежал к детям боярским»⁴⁸. В этом издании приводится формула жалованных грамот: «к сотцким и десятцким с тяглыми людьми не тянут ни в какие проторы, ни в розметы» и высказывается суждение о развитии этой формулы, что «в грамотах XV в. она обычно называет сотских и дворских, грамоты же XVI в. говорят преимущественно о сотских и десятских». Сформулированная так тенденция, по мнению составителей, отражает реальные изменения — ликвидацию института дворских и введение института городских приказчиков, которым в финансовом отношении подчинялись сотские и десятские. Перемены в управлении объясняются тем, что «если власть дворских не распространялась на иммунитетные вотчины, то городские приказчики осуществляли постоянный надзор за уплатой податей населением феодальных владений. Таким образом, “отставка” дворских и введение городских приказчиков были формой борьбы за ограничение феодального иммунитета»⁴⁹. Фактически вывод об изменении в управлении княжеским хозяйством делается на основании анализа неполного материала и сводится к иммунитетной политике.

Изучая княжеские договоры и завещания, Л. В. Черепнин отметил, что первый договор Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем особо останавливается на условии «блюсти с одного» слуг под дворским, черных и численных людей, которое согласуется с духовными первых московских князей и договорной грамотой великого князя Симеона Ивановича с братьями Иваном и Андреем⁵⁰. Следует отметить, что в завещаниях московских князей дворские не упоминаются, реконструкция Л. В. Черепниным текста договора Симеона Гордого с братьями вызывает сомнения⁵¹. Сказать, какие именно люди были «выиманы во иныи службы» при Иване Калите и Симеоне Гордом⁵², трудно. Основываясь на третьем договоре Дмитрия Донского с Владимиром Храбрым, исследователь посчитал слуг под дворским, наряду с черными и численными людьми, исключительно сельскими жителями и противопоставлял им городское население — гостей, суконников, городских людей⁵³. Упоминания дворских в правых грамотах Черепнин изучал не всегда тщательно. Пересказав судебное разбирательство Троице-Сергиева монастыря с великокняжеским истопником Антоном Гладким, ученый констатировал ценность материала правых грамот для характеристики условного землевладения княжеских слуг⁵⁴, но, рассматривая споры Троицкого Калязина монастыря с жителями Жабенской волости, которых «рядил на землю дворский», назвал их «черным крестьянством»⁵⁵. Изучая Судебник 1497 г., ученый отметил, что правые грамоты подтверждают постановление Судебника о присутствии на суде дворского, старосты и лучших людей. Поскольку указанные представители фигурируют далеко не во всех правых грамотах, Черепнин считал это свидетельством частого невыполнения статьи Судебника⁵⁶.

В исследовании социального строя Северо-Восточной Руси на примере Переяславского уезда Ю. Г. Алексеев рассматривал процесс феодализации волости, как на территории этой податной и

⁴⁷ Памятники русского права. Вып. III. М. 1955. С. 498.

⁴⁸ Там же. С. 394.

⁴⁹ Там же. Вып. IV. М. 1956. С. 162.

⁵⁰ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XVI вв. М.; Л., 1948. Ч. 1. С. 34–35.

⁵¹ Кучкин В. А. Договор Калитовичей // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. М., 1984. С. 19–20.

⁵² ДДГ № 2. С. 12.

⁵³ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XVI вв. Ч. 1. С. 42.

⁵⁴ Там же. Ч. 2. С. 246.

⁵⁵ Там же. С. 242.

⁵⁶ Там же. С. 325, прим. 1.

административной единицы появляются «элементы, частично сливающиеся с волощанами, частично противостоящие им». Наделение слуг под дворским землей автор проиллюстрировал предоставлением пустошей в Мишутинском стане дворцовому истопнику Антону Гладкому⁵⁷, при этом для изменения статуса волостных земель Алексею не было важно различать поместные и вотчинные владения, а к слугам под дворским причислялись все люди, и называемые в документах княжескими слугами, и по профессии обслуживавшие нужды государственного хозяйства⁵⁸. В дальнейшем историк попытался распространить свои наблюдения над переяславскими и костромскими волостями на другие уезды Центра России⁵⁹. По мысли автора, дворский — низшее звено княжеской администрации в волости: он контролирует княжеских слуг, участвует в делах волости — совместно с представителями волости сажает на землю крестьян. Алексей приходит к выводу, что «появление на волостных землях слуг под дворским и самого дворского хотя и сужает компетенцию волости, но не меняет существа ее»⁶⁰, поскольку «земля, пожалованная князем слуге, остается тяглою волостной территорией», а, «сидя на волостной земле, слуга под дворским частично смешивается с волостным крестьянином, выступает рядом с ним на суде и на разъезде, вступает за волостную землю и т. п.»⁶¹. Однако, скорее всего, слуга под дворским тяглецом не был, а отстаивать землю в судебном порядке вместе с крестьянами доводилось и детям боярским.

Н. Н. Покровский⁶², и А. Д. Горский⁶³ считали дворских лицами княжеской администрации, но анализ функций этого института не входил в задачи их исследований. Покровский считал дворских дворцовыми управляющими отдельными селами⁶⁴. Горский, изучая классовую борьбу, выявил однотипность борьбы за землю дворцовых и черносошных крестьян⁶⁵, хотя и не ставил вопроса, были ли слуги под дворским крестьянами в обычном значении этого слова. Осторожно полемизируя с высказанным в Памятниках русского права мнением о принадлежности дворских к детям боярским, ученый указал два случая «упоминания дворского в числе крестьян»⁶⁶.

Наиболее объемное исследование института дворских принадлежит немецкому историку Уве Хальбаху, посвятившему ему отдельный очерк в своей книге о русском княжеском дворе. Он не анализировал каждого упоминания дворского в Галицко-Волынском летописании, но обратил внимание, что при описании действий дворских в связи с военными событиями, статьи 1235 и 1248 г. Ипатьевской летописи содержат намеки на его административную деятельность. Частоту упоминаний дворского Андрея историк объяснял выдающимся положением его должности, хотя В. Т. Пашуто видел причину этого в том, что дворский Андрей был информатором летописца, рассказывал ему о событиях, в которых принимал участие⁶⁷.

⁵⁷ АСЭИ Т. I. № 563, 564, 571, 628.

⁵⁸ Алексеев Ю. Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв. Переяславский уезд. М.; Л., 1966. С. 23–27.

⁵⁹ Алексеев Ю. Г. Крестьянская волость в Центре феодальной Руси XV в. // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Дооктябрьский период. Л., 1972. С. 71–103.

⁶⁰ Там же. С. 83–85.

⁶¹ Там же. С. 83.

⁶² Покровский Н. Н. Актовые источники по истории черносошного землевладения в России XIV — начала XVI в. Новосибирск, 1973. С. 101, 102, 107–108.

⁶³ Горский А. Д. Борьба крестьян за землю на Руси в XV — начале XVI в. М., 1974, С. 32, 123.

⁶⁴ Покровский Н. Н. Актовые источники по истории черносошного землевладения в России XIV — начала XVI в. С. 101.

⁶⁵ Горский А. Д. Борьба крестьян за землю на Руси в XV — начале XVI в. С. 123, 129, 163.

⁶⁶ Там же. С. 130. Это две правые грамоты (АСЭИ. Т. II. № 402. С. 412; Т. I. № 582. С. 462–463). Первую из них использовал Павлов-Сильванский, во второй (составлена между 1495 и 1499 г. на земли в Михайловском стане Переяславского уезда) дворский назван в перечне «людей добрых волостных», а не в списке детей боярских.

⁶⁷ Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 83–85, 89, 184.

Хальбах подробно рассмотрел обозначение термином дворский венгерского вельможи в статье 1208 г. Ипатьевской летописи, указал на сходство морфологического образования «comes palatinus» и «дворский». Ученый провел аналогии с палатинами при каролингском и польском дворах, отметил наличие судебной функции у этих должностных лиц. Относительно соотношения должности дворского и дворецкого Хальбах привел мнения предшественников, но подчеркнул, что термины образуются от разных основ.

Историк процитировал четыре формулы жалованных грамот XV в., иллюстрируя организацию дворским сельского населения для выполнения таких натуральных повинностей как, например, закос. Из первого договора Дмитрия Донского с Владимиром Храбрым и завещания последнего Хальбах, как и его русские предшественники, сделал вывод, что слуги под дворским были свободными людьми, занятыми на работах для двора и получавшими за это участки земли в условное владение⁶⁸.

Исследовательница общины русского средневековья Л. В. Данилова об институте дворских высказывалась весьма неопределенно. По ее мнению, «трафаретная формула, гласящая о подведомственности слуг дворскому, а тяглых людей сотнику, отражает ушедшую в прошлое систему территориального деления, при господстве которой выборные представители общины были единственной властью на местах»⁶⁹. Если сотских, пятидесятских, десятских и старост Данилова называет мирскими выборными, считает, что они «не просто представители волостного мира, но и должностные лица княжеского административного аппарата», то о выборности или назначаемости дворских она прямо не говорит⁷⁰. В пользу первого варианта можно трактовать высказывания историка в ее монографическом исследовании о том, что черные волостные земли и дворцовые «подчас имели единое управление»⁷¹, что «княжеские оброчные и дворцовые земли... по внутреннему строю общинной организации до конца XVI в. были гораздо ближе к черным волостям и станам», чем к вотчинам и поместьям⁷². Анализируя уставную грамоту бобровникам Каменского стана 1509 г., Данилова приходит к выводу, что роль дворского была очень близка к роли волостного старосты⁷³. Стараясь подтвердить свою теорию постепенного подчинения в системе управления представителей «сотенного деления», «восходящего к родо-племенному делению», представителям деления территориального (т. е. сотских старостам), историк использовала жалованные грамоты. Она нашла, что в этих грамотах «со временем в формуле об освобождении крестьян имуниста от совместных с черными людьми тягла упоминание сотского исчезает и называется один староста»⁷⁴. Такой вывод был проиллюстрирован лишь отдельными жалованными грамотами, без учета региона, времени, выдавшего лица, комплексного же исследования не проводилось. Вопросы, как при таком процессе изменяется упоминание дворского, чья близость со старостой так подчеркивалась, Данилова не ставит.

Хотя многие ученые обращались к изучению института дворских, ряд вопросов, связанных с его функционированием, остался неисследованным. До сих пор нет единого мнения даже о том, назначался дворский или был выборным представителем общины. Ученые, изучавшие духовные и договорные грамоты московских князей XIV–XV в., разбирали положение слуг под дворским и только косвенно касались самого института дворских. Относительно слуг под дворским историки

⁶⁸ Halbach, Uwe. Der russische Fûrstenhof vor dem 16. Jahrhundert. Stuttgart 1985. S. 230–241.

⁶⁹ Данилова Л. В. О внутренней структуре сельской общины Северо-Восточной Руси // Россия на путях централизации. М., 1982. С. 8.

⁷⁰ Там же. С. 8–9.

⁷¹ Данилова Л. В. Сельская община в средневековой Руси. М., 1994. С. 229.

⁷² Там же. С. 297–298.

⁷³ Там же. С. 298–299.

⁷⁴ Там же. С. 252–253.

не пришли к общему мнению о том, были ли они городскими или сельскими жителями, выполняли денежные или натуральные повинности. Значителен спектр мнений о распространенности дворских — повсеместно, на дворцовых землях, в отдельных волостях или в каждом дворе князя. Никто из названных авторов не задавался вопросом, на каких территориях конкретно функционировал институт дворских.

Общим недостатком всех работ является то, что в них делались выводы на основании отдельных, отрывочных данных, попыток систематически изучить все источники, упоминающие дворских, не предпринималось. Оставляя решение этой задачи на будущее, настоящая работа ставит более скромные цели: изучение известий об институте дворских в самом многочисленном комплексе упоминающих их документов — в жалованных грамотах, рассмотрение динамики соответствующих обельных постановлений и предоставляемых ими конкретных сведений.

* * *

Впервые упоминание дворского встречается в жалованной тарханной и несудимой грамоте тверских князей: великого князя Василия Михайловича (кашинского) и других (удельных) тверскому Успенскому Отрочу монастырю, выданной между 1362 и 1364 г. В этой грамоте говорится: «сиротам, кто иметь седети на земли святое Богородици Отрочья монастыря... в тферских волостех и кашиньских ... не надобе им никоторая дань, ни ям, ни подвода, ни тамга, ни осьмничее, ни сторожевое, ни писчее, ни корм, ни медовое, ни иныи которыи пошлыны к городу, ни к волости, ни служба, ни дело княже, ни дворьский, ни старосты ат их не займают ни про что»⁷⁵. Это самая ранняя и одна из наиболее кратких обельных формул. Ее полностью повторяет жалованная тарханная и несудимая грамота великого князя Бориса Александровича тверского и других удельных князей тому же Тверскому Успенскому Отрочу монастырю, составленная между 1435 и 1437 г.⁷⁶

В иммунитетных актах дворские упоминаются чаще всего в обороте, находящемся в постановлении, которое в дипломатике жалованных актов трактуется как обельное⁷⁷, то есть позволявшее людям иммунитета, получившего грамоту, не участвовать в исполнении различного рода повинностей. В конце тарханного или обельного постановления жалованных грамотах находится неустойчивая и легко изменяющаяся фраза о пошлинах, в отдельных случаях опускающаяся. В ней говорится, что подвластному феодалу населению «... ни иныи никоторые пошлыны не надобе», или «не тянут ... ни в-ыные ни в которые пошлыны». Поскольку эти слова относятся к налогам в целом, составляют отдельный оборот, для избежания громоздкости при рассмотрении упоминаний дворских приводить их представляется лишним. Обельные постановления могут быть сгруппированы по выдавшим их людям, по перечисленным должностным лицам, по хронологии и т. п., но любое такое деление грамот будет иметь некоторую долю условности. Ниже предлагается группировка обельных постановлений по видам льгот, принимая во внимание прежде всего то, какими словами сказано о том, от чего освобождается население. Представляется удобным рассмотреть иммунитетные акты в следующем порядке: 1) жалованные грамоты с формулой, содержащей самое краткое обозначение подчинения дворскому и исполняемых ему повинностей, затем к ней присоединять формулы, отличающиеся: а) составом должностных лиц, б) определением подведомственного населения; далее располагать формулы: 2) с более пространном перечислением повинностей и также отличающиеся от нее: а) составом должностных лиц, б) определением подведомственного населения и т. д., внутри каждой группы грамоты распределять строго по хронологии.

⁷⁵ АСЭИ Т. III. № 116. С. 152–153.

⁷⁶ Там же. № 117. С. 153–155.

⁷⁷ Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. С. 57.

Проще всего о подчинении дворскому сказано в жалованной тарханной и несудимой грамоте великого князя Ивана III митрополиту Феодосию, составленной 12 января 1463 г. Крестьянам сел митрополичьего Борисоглебского монастыря Добриловское, Никитское и Милятино в городской округе Переяславля «не надобе ... ни к дворскому моему тянути, ни коня моего не кормят, опрочь татарского коня, ни иные им некоторые пошлыны не надобе, так же те его люди все к сотцким и десятцким не тянут ничем, некоторыми пошлынами»⁷⁸. В другой жалованной тарханной и несудимой грамоте того же великого князя, выданной между 1471 и 1475 г. игумену Кирилло-Белозерского монастыря Игнатию на двор в Московском Кремле, сказано: «ни в какие проторы с тяглыми людьми не тянуть, ни сен моих не косят, ни к дворскому, ни к пятьдесятцким, ни к десятцким не тянут»⁷⁹.

В двух более ранних грамотах к обороту «не тянут» добавлялось слово «ничем». Жалованная тарханная и несудимая грамота великого князя Василия Васильевича, выданная 2 июня 1425 г. игумену Троице-Сергиева монастыря Никону, устанавливала, что жители деревень Беклемишевой, Вяхоревой, Назарьевской и 4 пустошей в Кинельском стане Переяславского уезда: «Кого призовет ... не надобе некоторая моя дань, ни писчая белка, ни ям, ни подвода, ни города делати, ни иные некоторые пошлыны, ни розмет, ни помет, некоторая проторь. Также не надобе тем людем пришлым, да и старожильцем: коня моего не кормят, ни сен моих косити, ни ставленое, ни закосное, ни портное, ни к дворскому, ни к сотцкому, ни к становщику не тянути ничем»⁸⁰. В жалованной тарханной и несудимой грамоте, выданной 1 марта 1436 г. великим князем Василием Васильевичем Богородицкому Успенскому на Воинове Горе монастырю на владения в Аргуновской волости Переяславского уезда, разным категориям населения предоставлены разные льготы. Те люди, которые «разошлись, а приедут опять» — «ни к дворскому, ни к сотцкому, ни к становщику не тянут ничем», тогда как «пришлые и купленные» — «ни к дворскому, ни к сотцкому, ни к становщику, ни к старосте аргуновскому, ни оброка моего давати, ни иная некоторая пошлына»⁸¹. Отметив отличие в составе должностных лиц, вернемся к объяснению этого отличия позже.

Отдельные акты вместо слова «ничем» используют оборот «ни во что». Три жалованные тарханские и несудимые грамоты: Василия Васильевича, выданная в сентябре 1439 г., игумену Зиновию Троице-Сергиева монастыря на село Сватковское с деревнями в Верхдубенском стане Переяславского уезда⁸², грамота серпуховского князя Василия Ярославича от 10 мая 1447 г. игумену Досифею Троице-Сергиева монастыря на двор в городе Дмитрове, села Ведерниче, Бунятино и другие владения в городских станах, волостях Вышгороде и Инобоже Дмитровского уезда и волости Воре Московского уезда⁸³, а также грамота, выданная между 1462 и 1466 г. великим князем Иваном III Троице-Сергиеву монастырю на села Сватково и Семеновское в Верхдубенском стане Переяславского уезда⁸⁴ содержат следующее обельное постановление: «ні к сотскому, ні к дворскому не тянут ни во что».

В жалованной тарханной и несудимой грамоте Софьи Витовтовны от 27 октября 1438 г. игумену Зиновию Троице-Сергиева монастыря на владения приписного Киржачского Благовещенского монастыря деревню Желдыбинскую, Селиванкову гору, пустошь Ефремовскую и другие в Маринине слободке Переяславского уезда обельное постановление отличается составом

⁷⁸ АФЗнХ Ч. 1. № 123. С. 115.

⁷⁹ АСЭИ Т. II. № 216. С. 139.

⁸⁰ Там же. Т. I. № 44. С. 49.

⁸¹ Там же. № 128. С. 99. Во втором предложении «не тянут» пропущено.

⁸² Там же. № 139. С. 107.

⁸³ Там же. № 191. С. 136.

⁸⁴ В другой копии в списке этой грамоты с интерполяциями вместо «к дворскому» написано «ни к дворетцкому»: АСЭИ Т. I. № 310. С. 221, 222 прим. 4.; после «ни во что» добавлено «ни пятенщика моего не знают».

должностных лиц: «ни къ сотскомѸ, ни къ [дворскому, ни к старосте волостному не] тянут ни во что»⁸⁵. Пожалование этой грамоты полностью повторяет жалованная грамота Марии Ярославны от 7 октября 1453 г. (составленная «по матери своее грамоте») игумену Мартиниану того же Троице-Сергиева монастыря на те же владения⁸⁶.

В жалованной тарханной и несудимой грамоте Василия Васильевича от 18 октября 1448 г. игумену Мартиниану Троице-Сергиева монастыря на село Грунинское с пустошами в Емецкой волости Костромского уезда уточнено, что крестьяне «не тянут» с волостными людьми: «ни к дворскому, ни к сотцкому не тянут с волостными людми ни во что»⁸⁷.

Подобная формула (по сравнению с рассмотренными выше добавлен оборот «не надобе тянуть») — «ни к дворскому, ни к сотнику не надобѣ имъ тѧнут(ь) ни во что» — присутствует в жалованной тарханной, оброчной и несудимой грамоте радонежского князя Андрея Владимировича на село Удинское (позднее — Прилуцкое⁸⁸) с деревнями в городской округе Углича, выданная около марта 1411 г. игумену Троице-Сергиева монастыря Никону⁸⁹. Это наиболее ранняя московская грамота, дошедшая в подлиннике и содержащая упоминание дворского. Такая же формула употреблена в жалованной тарханной оброчной и несудимой грамоте Дмитрия Юрьевича Шемяки, выданной между 1434 и 1447 г. Троице-Сергиеву монастырю на то же село Удинское, села Сдвиженское в Кинельском стане и Перетержское в Койской волости с деревнями в том же уезде⁹⁰.

В отдельных грамотах подчинение дворскому называется пошлиной. В жалованной тарханной и несудимой грамоте, выданной между 1462 и 1466 г. великим князем Иваном III, игумену Троице-Сергиева монастыря Вассиану на пустоши в Верхнем Березовце Костромского уезда, обельное постановление таково: «ни к сотскому, ни к дворскому не тянути ни в чем некоторыми пошлинами, ни иная некоторая пошлина не надобе»⁹¹; в жалованной тарханной и несудимой грамоте, выданной между 1432 и 1445 г. великим князем Василием Васильевичем игумену того же Троице-Сергиева монастыря Зиновию на 4 варницы, двор у Соли Галицкой и на деревню на Хупани горе: «ни к дворскому, [ни к сотнику не надобе им тянути] некоторыми пошлинами»⁹²; в жалованной тарханной и несудимой грамоте того же времени тех же контрагентов на право покупки тяглового двора в городе Переяславле указывается, что проживающим там людям «не надобе им с того двора тянути ни [с] слугами, ни с черными людьми, ни к рыболовом, ни к сотцкому, ни к дворскому некоторыми пошлинами»⁹³.

В жалованной тарханной и несудимой грамоте, выданной 1 октября 1462 г. великим князем Иваном Васильевичем князю Дмитрию Ивановичу Ряполовскому на пустоши Караулово, Новое над озером, Ермаково, Хорязиково и другие «за рѣкою за Нерлю» во Владимирском уезде единственный раз в обельном постановлении с дворским названы «потуги»: «ни к сотцкому, ни к дворскому не тянут некоторыми потуги»⁹⁴.

В обельных постановлениях большинства иммунитетных актов князей московского дома присутствует указание на проторы и розметы, а в ряде грамот только на проторы. Так, в жалованной

⁸⁵ Там же. № 133. С. 103, чтение в подлиннике восстановлено по копиям — С. 104.

⁸⁶ Там же. № 246. С. 174.

⁸⁷ Там же. № 219. С. 154.

⁸⁸ Там же. С. 593, прим. к № 29.

⁸⁹ Там же. № 29. С. 40.

⁹⁰ Там же. № 115. С. 92.

⁹¹ Там же. № 32.1, С. 230.

⁹² Там же. № 101. С. 81, чтение в подлиннике восстановлено по списку.

⁹³ Там же. № 105. С. 84, предлога с в ркп. нет.

⁹⁴ В рукописи вместо «дворскому» ошибочно «дворѣцкому», Назаров В. Д. Акты XV в. из архива суздальского Спасо-Евфимьева монастыря. // Русский дипломатарий. Вып. 4. М., 1998, № 7 и прим. 7. С. 18.

тарханной и несудимой грамоте, выданной 5 июля 1465 г. дмитровским князем Юрием Васильевичем митрополиту Филиппу на владения в волости Воре Московского уезда, обельное постановление имеет вид: «ни к дворскому, ни к становщику не тянут ни в которые проторы»⁹⁵. Возможно, другая жалованная тарханная и несудимая грамота того же Юрия Васильевича митрополиту Филиппу на те же владения, составленная между 1464 и 1472 г., с очень близким формуляром, является списком этой грамоты 1465 г., ее обельное постановление имеет иной вид: «ни к сотцкому, ни к десятцкому с черными людьми не тянут»⁹⁶. Близкое обельное постановление, называющее сотского, а не становщика, имеется в жалованной тарханной и несудимой грамоте от 16 февраля 1454 г. великого князя Василия Васильевича Троице-Сергиеву монастырю на двор в Костроме⁹⁷; в жалованной тарханной и несудимой грамоте, выданной 21 апреля 1459 г. Василием Васильевичем игумену Троице-Сергиева монастыря на сельца Коростелево и Наволок с деревнями в Костромском уезде⁹⁸; в жалованной тарханной и несудимой грамоте, выданной между 1465 и 1469 г. волоцким князем Борисом Васильевичем архимандриту Симонова монастыря Евсевию на села Кортинское, Кусакинское и Неверово с деревнями на Волоке Ламском⁹⁹: «ни к сотнику (сотским), ни к дворскому (дворьским) не тянут ни в какие проторы».

В жалованной тарханной и несудимой грамоте, выданной между 1445 и 1453 г. великим князем Василием Васильевичем архимандриту Симонова монастыря Геронтию на села Егонскую Весь и Кузьмодемьянское в Шипинской волости Бежецкого Верха, с дворским упоминаются оба эти должностные лица: «ни к сотским, ни к дворьским, ни к становщиком не тянут ни в каики проторы»¹⁰⁰.

В двух грамотах со схожим обельным постановлением имеется указание, с кем «не тянут» обеляемые люди: в жалованной тарханной и несудимой грамоте, выданной 15 октября 1453 г. великой княгиней Марией Ярославной игумену Благовещенского Киржачского монастыря Протасию на деревню Микулинскую-Тутолмину в переяславской Маринине слободке — «с волостными людьми»¹⁰¹ а в жалованной тарханной и несудимой грамоте, выданной между 1448 и 1451 г. Софьей Витовтовной игумену Кассиану Кирилло-Белозерского монастыря на Сеземские пустоши в Вологодском уезде — «с волостными людьми с масленскими»¹⁰².

В трех иммунитетных грамотах на троицкие владения читаемое в тарханной части «ни в ям» стоит и в обельном постановлении. Это жалованная тарханная и несудимая грамота великого князя Василия Васильевича игумену Мартиниану на «села и деревни» в Переяславской волости Кинеле, выданная в 1449/50 г.¹⁰³ и полностью повторяющая ее грамота Ивана III игумену Вассиану, составленная между 1462 и 1466 г.¹⁰⁴, а также жалованная, тарханная и несудимая грамота великого князя Ивана Васильевича, выданная в тот же период тому же игумену Вассиану на все троицкие владения в Радонеже¹⁰⁵ с обельным постановлением: «ни к сотцкому, ни к дворскому не тянут ни в которые проторы, ни в ям».

Самая краткая формула с упоминанием не только проторов, но и разметов имеется в жалованной тарханной и несудимой грамоте, выданной 11 сентября 1464 г. дмитровским князем

⁹⁵ АФЗиХ. Ч. 1. № 71. С. 76.

⁹⁶ Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. № 45. С. 419.

⁹⁷ Там же. № 14. С. 366.

⁹⁸ АСЭИ. Т. I. № 280. С. 201.

⁹⁹ Там же. Т. II. № 382. С. 381.

¹⁰⁰ Там же. № 345. С. 342.

¹⁰¹ Там же. Т. I. № 247. С. 176.

¹⁰² Там же. Т. II. № 98. С. 59.

¹⁰³ Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. № 12. С. 364.

¹⁰⁴ Там же. № 19. С. 377.

¹⁰⁵ АСЭИ. Т. I. № 309. С. 220–221, в копийной книге ошибочно добавлено «ни к дворцкому», прим. 3.

Юрием Васильевичем игумену митрополичьего московского Новинского монастыря Евфимию на владения в Раменской волости Дмитровского уезда: «Также к дворскому, ни к десятскому не тянут в проторы, ни в розметы, ни иные некоторые пошлины им не надобе»¹⁰⁶. По сравнению с другими обельными постановлениями в ней опущены слова «ни в какие». Так, в жалованной тарханной и несудимой грамоте, выданной между 1462 и 1485 г. Иваном III Дмитрию Лазоревичу на сельцо Новоселки в Юрьеве Польском, соответствующее обельное постановление было сформулировано следующим образом: «ни к дворскому, ни к десяцким не тянут ни в какие проторы и в розметы»¹⁰⁷.

В пятнадцати жалованных грамотах этой группы термин «дворский» (преимущественно во множественном числе) встречается вместе с сотским вместо десятского: — «ни к сотскому (соцким), ни к дворскому (дворьским) не т~~а~~нут ни в какие (которые) проторы, ни в розметы», — в жалованной тарханной, оброчной и несудимой грамоте, выданной около 1448/49 г. Василием Васильевичем игумену Троице-Сергиева монастыря Мартиниану на села Шухобалово и Микульское в Суздальском уезде¹⁰⁸; в жалованной тарханной, оброчной и несудимой грамоте, выданной между 1448 и 1461 годами Василием Васильевичем митрополиту Ионе на владения в Юрьевском уезде¹⁰⁹; в жалованной тарханной и несудимой грамоте от 29 июня 1449 г. Василия Васильевича вдове Василия Борисовича Копнина Марии с сыном Федором на пустоши Глухово, Измайлово и Свечино в Переяславском уезде¹¹⁰; в жалованной тарханной и несудимой грамоте, выданной 27 сентября 1450 г. Василием Темным Ивану Петелину на село Скнятиново с деревнями в Кинельской волости Переяславского уезда¹¹¹; в жалованной тарханной и несудимой грамоте, выданной 9 марта 1453 г. Василием Васильевичем игумену Троице-Сергиева монастыря Мартиниану на деревни и пустоши на Локсомери и на село Поповское с деревнями и пустошами в Рождественском стане Ростовского уезда¹¹²; в жалованной тарханной и несудимой грамоте, выданной 9 сентября 1459 г. Василием Васильевичем митрополиту Ионе на село Всеславское во Владимирском уезде¹¹³; в жалованной тарханной и несудимой грамоте, выданной в 1460/61 г. Василием Темным Алексею Краснослепу на пустошь Хоробровскую в Деминской волости Суздальского уезда¹¹⁴; в жалованной тарханной и несудимой грамоте, выданной 9 октября 1461 г. великим князем Василием Васильевичем князю Ларе (Иллариону) Бунаку Михайлову сыну Хотетовскому на сельцо Литвиновское с деревнями на реке Вязьме, в Красносельском стане и сельцо Митково с деревнями в Волоцком стане Вяземского уезда¹¹⁵; в жалованной тарханной и несудимой грамоте, выданной 20 июля 1461 г. дмитровским князем Юрием Васильевичем игумену Троице-Сергиева монастыря Вассиану на село Михайловское и деревню Пупки в волости Корзеневе Московского уезда¹¹⁶; в жалованной тарханной и несудимой грамоте от 9 июля 1462 г. тех же контрагентов на те же владения и деревню Лычевскую там же¹¹⁷; в жалованной тарханной и несудимой грамоте, выданной в период 1462—1463 г. великим князем Иваном III архимандриту Симонова монастыря Афанасию на села

¹⁰⁶ АФЭХ. Ч. 1. № 86. С. 86.

¹⁰⁷ Акты служилых землевладельцев XV—XII в. (далее — АСЗ) Т. I. М. 1997. № 137. С. 107.

¹⁰⁸ АСЭИ. Т. I. № 221. С. 156.

¹⁰⁹ АФЭХ. Ч. 1. № 145. С. 130.

¹¹⁰ АСЭИТ. I. № 224. С. 159.

¹¹¹ Там же. № 236. С. 166.

¹¹² Там же. № 243. С. 171.

¹¹³ АФЭХ. Ч. I. № 172. С. 158.

¹¹⁴ АСЭИ. Т. III. № 101. С. 139.

¹¹⁵ Там же. № 179. С. 195.

¹¹⁶ Там же. Т. I. № 291. С. 207.

¹¹⁷ Там же. № 305. С. 217.

Покровское, Кокоуревское, Никольское и деревни в Заколпье, Владимирского уезда¹¹⁸; в жалованной тарханной и несудимой грамоте, выданной между 1462 и 1472 годами тем же Юрием Васильевичем Дмитрию Васильевичу Бобру на село Старое Ермолинское в волости Вышгороде Дмитревского уезда¹¹⁹; в жалованной тарханной и несудимой грамоте, выданной 8 августа 1463 г. великим князем Иваном Васильевичем архимандриту Никольского Шартомского монастыря Иоанникию на деревни и пустоши в Матенской волости Плесского уезда¹²⁰; в жалованной тарханной и несудимой грамоте, выданной 15 июня 1464 г. великим князем Иваном Васильевичем Семену Писарю на село Приданое, в Коломенском уезде¹²¹; в жалованной тарханной и несудимой грамоте, выданной 16 декабря 1470 г. уже упоминавшимся Юрием Васильевичем архимандриту Симонова монастыря Досифею на села Васильевское Татищево и Верзневское с деревнями в Дмитровском уезде¹²²; в жалованной тарханной и несудимой грамоте, выданной 6 декабря 1471 г. вологодским князем Андреем Васильевичем Меньшим игумену Игнатию Кирилло-Белозерского монастыря на пустоши на реке Сяме, в Вологодском уезде¹²³. Подлинность жалованной грамоты великого князя Василия Васильевича Ларе Бунаку Михайлову сыну Хотетовскому¹²⁴ вызывает серьезные сомнения¹²⁵, и при анализе ее учитывать не следует.

В жалованной тарханной и несудимой грамоте, выданной 4 мая 1460 г. великим князем Василием Васильевичем митрополиту Ионе на село Порецкое во Владимирском уезде, дворский определен по городу: «ни к сотским, ни к дворским к володимерским не тянут ни в какие проторы, ни в розметы»¹²⁶.

Во многих жалованных грамотах 50 — 80-х г. XV в., содержащих обороты данной группы, дворские упоминаются в обельном постановлении и с сотскими и с десятскими: «ни к сотцкым (сотским, сотскому), ни к дворьскым (дворским, дворскому), ни к деслтцкым не тлнут ни в какие проторы, ни в розметы». Такое обельное постановление встречается в жалованной данной, тарханной и несудимой грамоте, выданной 17 апреля 1454 г. великим князем Василием Темным игумену Савво-Сторожевского монастыря Евфросину на село Каринское «в Ондрѣвском» в Звенигороде¹²⁷; в жалованной тарханной и несудимой грамоте от 29 сентября 1455 г. дмитровского князя Юрия Васильевича московского Богоявленского монастыря игумену Прохору на село Дятелинское в Дмитрове¹²⁸; в жалованной льготной, несудимой и двусрочной грамоте, выданной 15 мая 1457 г. великим князем Василием Темным игумену Троице-Сергиева монастыря Вассиану на село Сукромное с деревнями в Городецком стане Бежецкого Верха¹²⁹; в жалованной тарханной и несудимой грамоте, выданной между 1462 и 1466 г. великим князем Иваном III тому же игумену Троице-Сергиева монастыря Вассиану на села и деревни «в Медушах во Владимирском уезде», а также на два двора в самом Владимире на посаде и внутри города¹³⁰; в жалованной тарханной и несудимой грамоте, выданной в те же годы Иваном III тому же игумену Вассиану на троице-

¹¹⁸ Там же. Т. II. № 363. С. 357.

¹¹⁹ Там же. Т. I. № 325. С. 234.

¹²⁰ Там же. Т. III. № 97. С. 134.

¹²¹ Там же. № 71. С. 106.

¹²² Там же. Т. II. № 386. С. 387.

¹²³ Там же. № 192. С. 123.

¹²⁴ Там же. Т. III. № 179. С. 195.

¹²⁵ Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России. М. 1985. С. 19–20.

¹²⁶ АФЗиХ. Ч. 1. № 171. С. 158.

¹²⁷ АСЭИ. Т. III. № 54а. С. 83.

¹²⁸ Голубцов И. А., Назаров В. Д. Акты XV–XVI века // Советские архивы. 1970. № 5, грамота № 2, С. 81; Акты российского государства. Архивы московских монастырей и соборов XV — начало XVII вв. М., 1998. № 29. С. 113.

¹²⁹ АСЭИ. Т. I. № 278. С. 199.

¹³⁰ Там же. № 312. С. 223.

сергиевское село Мясищевское с деревнями в Кистемской волости Переяславского уезда¹³¹; в жалованной тарханной и несудимой грамоте, выданной между 1462 и 1466 годами угличским князем Андреем Васильевичем Большим игумену Троице-Сергиева монастыря Вассиану на деревню Татариновскую в Кинельском стане в Угличе¹³²; в жалованной тарханной и несудимой грамоте, выданной 23 марта 1464 г. Иваном Васильевичем Леонтию и Василию Алексеевым детям Ярославовым на села в Черемовской волости Ярославского уезда¹³³; в жалованной тарханной и несудимой грамоте, выданной 31 июля 1467 г. великим князем Иваном III игумену Троице-Сергиева монастыря Спиридону на село Скнятино с деревнями в Кинельской волости Переяславского уезда¹³⁴; в жалованной тарханной и несудимой грамоте, выданной 31 июля 1469 г. великим князем Иваном III игумену Троице-Сергиева монастыря Спиридону на бывшие княжеские села Шухобалово и Микульское в Опольском стане Суздальского уезда¹³⁵; в жалованной тарханной и несудимой грамоте, выданной между 1470 и 1485 годами великим князем Иваном III Ф. М. Киселеву на его села Дуброво, Новое, Языково, Каметово и Юрьево в городской округе Муром¹³⁶; в жалованной меновой, тарханной и несудимой грамоте, выданной 19 августа 1470 г. угличским князем Андреем Васильевичем Большим игумену Савво-Сторожевского монастыря Евсевию на промененные князем черные тяглые деревни в Андреевском, Городском и Негучском станах Звенигорода¹³⁷; в жалованной льготной, тарханной и несудимой грамоте, выданной 28 декабря 1471 г. великим князем Иваном III игумену московского Чудова монастыря в Кремле Феодосию на село Митрополище с деревней Селифонтовой и тремя пустошами в волости Канев Коломенского уезда¹³⁸; в жалованной льготной, тарханной и несудимой грамоте, выданной 13 марта 1474 г. великим князем Иваном III митрополиту Геронтию на митрополичьи пустоши во Владимире¹³⁹; в жалованной льготной, тарханной и несудимой грамоте, выданной в 1475/1476 г. угличским князем Андреем Васильевичем Большим игумену угличского Покровского монастыря Паисию на устройство монастырской слободы близ Углича¹⁴⁰; в жалованной тарханной и несудимой грамоте от 18 мая 1481 г. великого князя Ивана Васильевича игумену Троице-Сергиева монастыря Паисию на земли и воды в Гороховце и Ярополче¹⁴¹; в жалованной тарханной и несудимой грамоте, выданной 4 января 1485 г. великим князем Иваном III сыновьям Семена Писарева на их село Захарьинское в Коломне¹⁴²; в жалованной данной (поместной), льготной и несудимой грамоте, выданной 6 марта 1486 г. великим князем Иваном III Василию Ознобише на княжеское село Ярышево и село Муравино в Суздале¹⁴³.

Обельные постановления отдельных грамот отличаются от рассмотренного только составом должностных лиц. В выданной 6 декабря 1471 г. жалованной тарханной и несудимой грамоте вологодского князя Андрея Васильевича Меньшого игумену Кирилло-Белозерского монастыря Игнатию на монастырский двор внутри города Вологды вместо сотского упомянут пятидесятский: «ни розметы, ни в какие проторы с тяглыми людьми не тянути, ни к дворскому, ни к пятидесятским,

¹³¹ Там же. № 322. С. 231.

¹³² Там же. № 323. С. 233.

¹³³ АСЗ. Т. I. № 312. С. 302.

¹³⁴ АСЭИ. Т. I. № 346. С. 252–253.

¹³⁵ Там же. № 388. С. 282.

¹³⁶ Там же. № 398. С. 290.

¹³⁷ Там же. Т. III. № 58. С. 90.

¹³⁸ Там же. № 42. С. 63.

¹³⁹ АФЗиХ. Ч. 1. № 212. С. 187.

¹⁴⁰ АСЭИ. Т. III. № 77. С. 110.

¹⁴¹ Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. № 32. С. 398.

¹⁴² АСЭИ. Т. III. № 72. С. 107.

¹⁴³ В другой публикации этой не обнаруженной издателями грамоты вместо «дворскому» стоит «дворецкому», справедливо сочтенное ими менее правильным. АСЭИ. Т. III. № 106. С. 144 и примеч. 3.

ни к десятским не тянут ни в каков проторъ, ни в розмет»¹⁴⁴. В жалованной тарханной и несудимой грамоте, выданной в феврале 1471 г. великой княгиней Марией Ярославной игумену Махрицского монастыря Авраамию на село Негловское в Маринине слободке Переяславского уезда назван староста: «ни к сотским, ни к дворьским, ни к старосте не тянут ни в какие проторы и розметы»¹⁴⁵. В жалованной тарханной и несудимой грамоте, выданной 20 января 1474 г. великим князем Иваном III митрополиту Геронтию на земли подчинявшихся ему трех церквей в Ликуржской волости Костромского уезда, указывалось, что церковные люди «ни к старосте ликурзскому, ни к десяцким, ни к дворскому костромскому не тянут ни в какие проторы, ни в розметы»¹⁴⁶. Дворские включены в обельное постановление рассматриваемого типа, упоминающее становщиков, сотских и десятских, в жалованной тарханной и несудимой грамоте, выданной 19 декабря 1481 г. великим князем Иваном III игумену Троице-Сергиева монастыря Паисию на село Ростокино под Москвой: «ни [к] сотцким, ни [к] дворским, ни к становщиком, ни к десяцким не тянут ни в какие протори, ни в розметы»¹⁴⁷.

Между 1462 и 1466 г. игумену Троице-Сергиева монастыря Вассиану на Воиновский монастырь и его деревни в Переяславском уезде великим князем Иваном Васильевичем «по грамоте Василя Васильевича», рассмотренной выше, была выдана жалованная тарханная и несудимая грамота, обельное постановление которой имеет сходный вид: «ни к сотцкому, ни к дворскому, ни к становщику не тянут ни в какие проторы, ни в розметы ничем»¹⁴⁸; к рассматриваемой формуле в ней добавлено слово «ничем».

В ряде грамот этой группы, выводящих население из подчинения дворского и других должностных лиц, имеется упоминание, кто находится в их ведении. В основном это тяглые люди. В жалованной льготной и несудимой грамоте, выданной 1 августа 1501 г. великим князем Василием Ивановичем, сыном и соправителем Ивана III, игумену Троице-Сергиева монастыря Серапиону на двор с поляной, купленные монастырем «в Кашыне на посаде», видим следующее обельное постановление: «г дворьским, и г де[сятцким с тяглыми л]юдми не т[яну]т ни в какие проторы, ни в розметы»¹⁴⁹. В жалованной тарханной и несудимой грамоте, выданной 27 ноября 1452 г. великим князем Василием Васильевичем архимандриту Никольского на Шартоме монастыря Александру на двор в г. Плесе и на деревню Ярцево в Плесском уезде, в такой же формуле вместо десятских названы сотские¹⁵⁰.

Значительное количество обельных постановлений этого подвида, также формулирующих льготы с указанием тяглых людей, фиксируют с дворским сотского и десятского одновременно. В самой ранней грамоте, содержащей упоминание дворского, но не дошедшей в подлиннике, жалованной тарханной и несудимой грамоте, выданной 10 мая 1404 г. звенигородским князем Юрием Дмитриевичем игумену Савво-Сторожевского монастыря Савве на село Белгино с деревнями в Звенигородском уезде и в Рузском уезде «в Замошьи, село свое у Василя Святого», имеется следующее обельное постановление: «ни к сотцкому, ни к дворскому, ни десятскому с тяглыми людми не тянут ни в которые проторы и в разметы»¹⁵¹. Эта грамота сохранилась в списке начала XVI в., причем позднейшие копии пытались придать ей вид подлинника: с лицевой стороны тщательно приклеен кусочек бумаги, явно вырванный из другой грамоты, с прикрепленной к нему вислой черновосковской печатью, похожей на употреблявшиеся при Иване III¹⁵². Подобных

¹⁴⁴ Там же. Т. II. № 195. С. 126.

¹⁴⁵ Там же. Т. I. № 399. С. 291.

¹⁴⁶ АФЗиХ. Ч. 1. № 251. С. 215.

¹⁴⁷ АСЭИ. Т. I. № 492. С. 371, предлога к в ркп. нет.

¹⁴⁸ Каштанов С. М. Очерки русской дипломатии. № 20. С. 379.

¹⁴⁹ АСЭИ. Т. I. № 637. С. 550, чтение в подлиннике восстановлено по списку.

¹⁵⁰ Там же. Т. III. № 96. С. 133.

¹⁵¹ Там же. № 53а. С. 80–81.

¹⁵² Там же. С. 82.

обельных формул не встречается в иммунитетах ранее 60-х г. XV в. Таким образом, эту фразу вряд ли можно считать первой московской формулой, содержащей упоминание дворского.

Подобное обельное постановление, в котором должностные лица чаще называются во множественном числе и могут меняться местами, что не имеет принципиального значения, — «ни къ(к) сотцским (сотским), ни к дворьским (дворьским, дворским), ни к десатцским (десятским) с тАглыми людьми не тАнут ни в какие (которые) проторы, ни в розметы», встречается в следующих актах: в жалованной тарханной и несудимой грамоте, выданной 17 мая 1462 г. великим князем Иваном III властям Троице-Сергиева монастыря на село Присецкое с деревнями в Городецком и Пироговском станах Бежецкого Верха¹⁵³; в жалованной льготной, тарханной и несудимой грамоте, выданной 20 февраля 1463 г. дмитровским князем Юрием Васильевичем Дмитрию Васильевичу Бобру на его село Спасское с деревнями и пустошами, располагавшимися в княжеской дмитровской Вышгородской волости¹⁵⁴; в жалованной тарханной и несудимой грамоте от 15 января 1466 г. великой княгини Марии Ярославны вдове Василия Михайловича Шеина Стефаниде с сыном Дмитрием на их села и деревни в Вольской волости в Пошехонье¹⁵⁵; в жалованной тарханной, льготной и несудимой грамоте, выданной 17 марта 1466 г. той же великой княгиней Марией Ярославной архимандриту ярославского Спасского монастыря Христофору на монастырские земли в Романове городке и его волостях¹⁵⁶; в жалованной тарханной и несудимой грамоте, выданной 7 декабря 1471 г. вологодским князем Андреем Васильевичем Меньшим игумену Кирилло-Белозерского монастыря Игнатию на село Ивановское с деревнями в волостях Тошна и Лоскома в Вологде¹⁵⁷; в жалованной льготной и несудимой грамоте, выданной 15 февраля 1476 г. вологодским князем Андреем Васильевичем Меньшим старцам Кирилло-Белозерского монастыря на пустошь Вороновскую в волостях Тошне и Лоскоме в Вологде¹⁵⁸; в жалованной тарханной и несудимой грамоте, выданной 19 апреля 1478 г. великим князем Иваном III игумену Троице-Сергиева монастыря Авраамию на село Воскресенское с деревнями в Кинельской волости Переяславского уезда¹⁵⁹; в жалованной тарханной и несудимой грамоте, выданной 5 февраля 1482 г. великим князем Иваном III игумену Никольского Мокрого монастыря на реке Сухоне на деревню и пустошь в вологодской Пельшемской волости¹⁶⁰; в трех жалованных тарханых и несудимых грамотах, выданных в сентябре 1485 г. великим князем Иваном Ивановичем (Молодым, сыном Ивана III) игумену Троице-Сергиева монастыря Макарию на село Медну в Новоторжском уезде¹⁶¹; деревни этого села в Тверском уезде¹⁶²; на села Ивановское и Пестово с деревнями в Кашинском уезде¹⁶³; в трех жалованных тарханых и несудимых грамотах от июля 1492 г. великого князя Ивана III игумену Троице-Сергиева монастыря Симону на села Борисовское, Куровское и Лобановское с деревнями в Поротовской волости Можайского уезда¹⁶⁴; на села, деревни и пустоши в Городецком, Пироговском и Ивановском станах Бежецкого уезда¹⁶⁵ и на вотчины Троице-Сергиева и приписного Рождественского Прилуцкого монастыря в Городецком, Кинельском станах и волости Куткобал

¹⁵³ Там же. Т. I. № 304. С. 214.

¹⁵⁴ Там же. № 336. С. 243.

¹⁵⁵ Там же. № 341. С. 249.

¹⁵⁶ Там же. Т. III. № 203. С. 214.

¹⁵⁷ Там же. Т. II. № 199. С. 129.

¹⁵⁸ Там же. № 232. С. 153–154.

¹⁵⁹ Там же. № 455. С. 341.

¹⁶⁰ Там же. Т. III. № 278. С. 294.

¹⁶¹ Там же, т. I, № 517, С. 391.

¹⁶² Там же, № 518, С. 393.

¹⁶³ Там же. № 519. С. 394.

¹⁶⁴ Там же, № 567, С. 445.

¹⁶⁵ Там же. № 568. С. 446.

¹⁶⁶ Каштанов С. М. Очерки русской дипломатии. № 37. С. 404.

Угличского уезда¹⁶⁶; в жалованной данной тарханной и несудимой грамоте, выданной 16 ноября 1498 г. бывшим казанским царем Мухаммед-Эмином игумену Троицкого Белопесоцкого монастыря Владимиру на лесные участки в Туровской волости и в Ростовском стане в Кашире¹⁶⁷; в жалованной тарханной и несудимой грамоте, выданной 26 апреля 1504 г. дмитровским князем Юрием Ивановичем игумену Троице-Сергиева монастыря Серапиону на села Михайловское и Пестово с деревнями в Нерехоцком стане и Жабенской волости Кашинского уезда¹⁶⁸.

В жалованной тарханной и несудимой грамоте, выданной 19 декабря 1471 г. вологодским князем Андреем Васильевичем Меньшим игумену Кирилло-Белозерского монастыря Игнатию на монастырский двор внутри города Вологды и на прикупной двор на вологодском посаде, в такой же разновидности обельного постановления с дворским названы представители всех должностных уровней децимальной организации: «А к сотцким и к дворским и к пятидесяцким, и к десяцким их люди с тяглыми людьми не тянут ни в какие проторы, ни в розметы»¹⁶⁹.

Элемент «тяглые люди» заменен на «черные люди» в жалованной тарханной и несудимой грамоте, выданной в январе 1488 г. великим князем Иваном III игумену Троице-Сергиева монастыря Макарию на село Илемну (позднее ставшее станом, но тогда относившееся к городской округе) в Верейском уезде: «къ дворьскомѸ и к сотцскомѸ с черными людьми не т~~а~~нѸт ни в какие проторы, ни в розметы»¹⁷⁰, и в жалованных тарханной и несудимых грамотах, выданных великим князем Иваном III между 1462 и 1478 г. Григорию Васильевичу Заболоцкому на деревни в Кинельской волости Переяславского уезда¹⁷¹ и 21 февраля 1473 г. игумену Троице-Сергиева монастыря Спиридону на Троицкий монастырь на Березниках в московской волости Воре¹⁷²: «ни к сотцким (сотским), ни к дворскому (дворьским), ни к десяцким (дес~~а~~тским) с черными людьми не тянут ни в которы (какие) проторы, ни в розметы».

В жалованной тарханной и несудимой грамоте, выданной 27 июля 1487 г. великим князем Иваном III вотчиннику И. М. Глядящему на половину его села Глядящего в Куземском стане Муромского уезда¹⁷³ есть указание на посошное: «ни к сотским, ни к дворским, ни к десятским с тяглыми людьми не тянут ни в какие проторы, ни в розметы, ни в посошное».

(Окончание в следующем номере журнала)

¹⁶⁷ АСЭИ. Т. I № 618. С. 530.

¹⁶⁸ Там же. № 653. С. 577.

¹⁶⁹ Там же. Т. II. № 200. С. 130. О децимальной организации см.: Кучкин В. А. Институт тысяцких в средневековой Руси // Восточная Европа в древности и средневековье. Спорные проблемы истории. Чтения памяти В. Т. Пашуто. 1993 г. Тезисы докладов. М., 1993. С. 46–48; Он же. Забытый документ XIV в. из находки 1843 г. в московском Кремле // Исторический архив. 1997, № 3, С. 14–20.

¹⁷⁰ Там же. Т. I. № 534. С. 410.

¹⁷¹ Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. № 25. С. 385.

¹⁷² АСЭИ. Т. I. № 416. С. 350–306.

¹⁷³ Там же. Т. III. № 109. С. 146.